

Что бывало

Надежда
Максимова

Надежда Максимова

Что бывало

«Издательские решения»

Максимова Н.

Что бывало / Н. Максимова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505389-3

Шесть десятков лет... Много незабываемого случилось. С разными людьми приходилось встречаться. Участвовать в разнообразных мероприятиях. Иногда это было смешно, иногда страшно, иногда любопытно. Давайте вместе заглянем в эти воспоминания. Обещаю: все правда до последнего слова.

ISBN 978-5-00-505389-3

© Максимова Н.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Раскрыть тайну невидимки	7
Небо XIII-го века	10
Морпех	13
Нестандартное решение	16
Ужас поселка Свердлова	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Что бывало

Надежда Максимова

© Надежда Максимова, 2019

ISBN 978-5-0050-5389-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Когда-то ребенок сказал мне: «Мне уже пятнадцать лет, я прожил четверть жизни. Что я сделал за это время?»

Энергичная постановка вопроса, верно?

Сейчас, когда мне исполнилось шесть десятков лет, тем более можно уже подвести некие предварительные итоги.

Да, много незабываемого случилось. С разными людьми приходилось встречаться. Участвовать в разнообразных мероприятиях. Иногда это было смешно, иногда страшно, иногда любопытно.

Сегодня попробую поделиться записями о пережитом. Даты событий в большинстве случаев как-то стерлись из памяти, но то, что было, оно ведь никуда не делось, верно?

Итак, приступим.

Раскрыть тайну невидимки

– Последние эксперименты, – невозмутимо произнес профессор, – наводят на мысль о том, что наше сознание не является непрерывным, а представляет собой последовательную цепочку быстро сменяющих друг друга впечатлений, как в кинематографе. Возможно, кто-то или что-то проскальзывает, так сказать, между кадрами. Кто-то или что-то действует только в тот миг, когда наступает затемнение.

– По-вашему получается, – возразил Феннер, – что целая процессия ирландцев с мушкетами могла промаршировать мимо, пока мы разговаривали, стоило им только ступить на слепые пятна нашего рассудка.

– Лучшие ужс верить в это, чем считать, что меня нужно запереть в комнату, которая обита изнутри мягким материалом.

Гилберт К. Честертон «Недоверчивость отца Брауна»

В октябре прошлого года в нашем городе объявился преступник, которого никто не видел и не слышал. Который, не оставляя никаких следов, умудрялся совершать по две-три кражи ежедневно. 8 октября среди пострадавших оказалась даже Межрайонная налоговая инспекция: некто неизвестный (мужчина или женщина, неведомо) в обеденный перерыв свободно вошел в кабинет и беспрепятственно похитил сумку, в которой находились документы, деньги и другие личные вещи сотрудника налоговой службы.

Кражи совершались ежедневно, порой с интервалом в полчаса. Но приезжающая по сигналу милиция нигде не могла зафиксировать никаких примет преступника – его ни разу никто не увидел. Просто чудеса какие-то!

Но как бы то ни было, на работниках уголовного розыска повисла серия нераскрытых краж. Анализ (так по-современному называется дедуктивный метод) не давал никаких результатов. Если бы кражи случались в каком-то одном учреждении, можно было бы предположить, что бедокурит кто-то из своих. Но тут преступник, незамеченный ни местными работниками, ни охранником у входа, свободно гулял по организациям, посещая их одну за другой, и отовсюду уходил с добычей. Действовал словно невидимка!

Кульминации эта история достигла, когда кража обнаружилась в одной из пожарных частей города. Один из сотрудников, давно мечтавший о машине, заступил на суточное дежурство, имея при себе полную сумму на приобретение автомобиля. Мечтал, как после работы зайдет оформить покупку и домой приедет уже на собственном авто.

Таскать весь день в кармане толстенную пачку денег было, естественно, неудобно, и он оставил ее в персональном ящичке, куда переодеваясь, вешал одежду. Пожарная часть – это вам не магазин, на входе сидит строгий дежурный, посторонних не пропускают, так что многие сотрудники пожарной охраны смело оставляли в карманах деньги, документы и сотовые телефоны.

И представьте шок нашего пожарного, когда после службы он обнаружил, что все деньги исчезли!

Сначала он кинулся к друзьям – надеялся, что пошутили, разыграли, вернут... Увы. К тому же друзья, собравшиеся на зов, обнаружили, что и у них не все цело.

В общем, скандал в благородном семействе.

Лишившийся автомечты пожарный был в таком отчаянии, что в милицию забрел просто по инерции. Заявление он написал, но в то, что его 200 тысяч будут когда-либо найдены, абсолютно не верил. Между тем, именно его случай дал толчок к раскрытию всей серии. Потому что у него помимо денег был украден еще и сотовый телефон. А у сотового можно проследить звонки.

И вот обнаружилось, что краденый телефон благополучно проявился в Нижнем Новгороде, а его владелицей числится молодая привлекательная девушка.

Сотрудники уголовного розыска немедленно выехали на встречу с прелестницей.

Сначала девушка держалась скрытно и ответы давала неопределенно-уклончивые. Но, в конце концов, сообщила милиционерам, что телефончик ей подарил любимый человек.

Настойчивые вопросы постепенно помогли выяснить имя и адрес любимого. А заодно и то, что он – наркоман и жулик, успевший уже побывать за решеткой.

После выяснения этих обстоятельств, девушка была отпущена, а сотрудники уголовного розыска поехав по указанному адресу. Там и нашелся таинственный невидимка – точнее два брата, совершившие эту удивительную серию краж.

Сначала преступники ни за что не соглашались открыть дверь, но узнав, что за ними приехали из УВД Дзержинска, довольно быстро во всем сознались. Попросили только разрешения собрать вещички для тюрьмы – как люди опытные, они уже знали, что домой в Нижний вернуться не раньше, чем через несколько лет.

Больше всего разоблачению братьев-жуликов радовался пострадавший пожарный. Радовался потому, что преступники, хоть и были наркоманами, его деньги в распыл не пустили. Как солидные люди, они приобрели подержанные «Жигули» да сделали родным и знакомым ценные подарки. Так что нанесенный ущерб удалось возместить едва ли не полностью.

Необычайная история. Но еще более удивительным является тот факт, что братья-невидимки отнюдь не единственные в Дзержинске преступники такого рода. Был еще молодой человек, специализировавшийся на хищении ценностей из больниц. Секрет его невидимости понять проще: проникая в лечебное учреждение, он обычно надевал сверху халатик. И бродил по этажам и коридорам, чуть прихрамывая. Так, что больные принимали его за врача, а врачи – за больного – прямо как в детективном рассказе Честертона.

Однако, как в книге, так и в жизни, преступник был изобличен. В результате оперативной работы, сотрудникам уголовного розыска удалось установить его личность. И когда жулик-«невидимка» с очередной украденной женской сумочкой выходил из здания онкологического диспансера, его встретили крепкие мужчины с удостоверениями работников милиции.

Во время следственного эксперимента задержанный с поличным жулик охотно сотрудничал со следствием. Правда, не все свои подвиги он помнил – их было так много (почти полтора десятка), что он и сам запутался. Но в тех случаях, которые удалось доказать, он уверенно показывал где совершал кражи, по каким лестницам поднимался, в какие комнаты заходил... И (любопытно отметить) в одной из организаций произошла забавная вещь: милиционеры, которым обычно приходится представляться еще на входе, на этот раз вместе с арестованным проникли в служебные помещения абсолютно беспрепятственно. И лишь тогда, когда они ходили по кабинетам уже третьего этажа, кто-то из местных работников наконец спохватился: вы кто какие? Как сюда попали?

Вот такие удивительные преступления были раскрыты в нашем городе. А жулики, их совершившие, в настоящее время отбывают срок за решеткой.

Вряд ли оттуда им удастся выбраться незамеченными.

Небо XIII-го века

В детстве, помню, отец много рассказывал мне об археологах, ведущих раскопки в Египте, о тайнах седых пирамид, о безмерных сокровищах фараонов и о смертельных ловушках, устроенных для грабителей, пытающихся посягнуть на древнее золото. Помню, как снова и снова просила отца: «Расскажи, расскажи еще...». Поэтому, когда в июле этого года меня пригласили в Богородский район, где археологи начали раскапывать поселение XIII века, я не задумалась ни на секунду. Конечно, еду!

Станция, на которой нам нужно было выходить из дизель-поезда, называлась так, словно специально приглашала к себе археологов – Копнино. На станции все прибывшие на раскопки (студенты исторического факультета ННГУ) переоделись и получили научное оборудование: лопаты, металлические совки по форме точно напоминающие те, с которыми дети возятся в песочнице и пластмассовые дырчатые лотки. Такие лотки продаются в хозяйственных магазинах, и предназначены для хранения ложек и ножей в кухонном шкафу. Увидев эти лотки, я вообразила, что археологи промывают в них породу – как золотоискатели в поисках золота. Но все оказалось прозаичнее.

Место раскопок определила археологическая разведка (есть, оказывается, и такая). Расположено оно на переломе рельефа – здесь когда-то был высокий берег Кудьмы, и люди жили здесь у воды, выбрав место не только рациональное, но и захватывающее дух красотой: с высоты старого крутояра открывалась фантастическая панорама на поля, перелески, на сверкающую кое-где, как бриллиант, заросшую камышом старицу и на огромное русское небо над всем этим...

Да, река ушла, и люди ушли, переселившись следом за ней. Только красота осталась.

Итак, разведка, прокопав несколько глубоких скважин, установила, что именно в данном месте в старину было поселение. Вероятнее всего XIII-го века. И нужно только пробиться к нему сквозь толщу веков.

В первый день археологи при помощи колышек и бечевки разметили квадраты, где будут копать и сняли дерн. И сразу обнаружили первую находку: осколок глиняного белообжигного кувшина XVII века. А ведь это еще самый верхний слой! Пашня, где десятилетиями елозили трактора, перелопачивая землю лемехами плугов. Что же ждет нас глубже?

– Что вы рассчитываете найти? – спросила я руководителя археологов.

– Было бы очень интересно откопать старинную русскую печь. До сих пор никто не знает какой она была формы. Дело в том, что в старину, когда кирпичей еще не было, печь в доме делали так: сначала деревянный каркас, затем его обмазывали глиной и потихоньку, аккуратно, чтоб не потрескался, обжигали. Дерево внутри выгорало, и получалась довольно прочная глиняная конструкция.

– А-а, что-то вроде того очага, который показали в фильме «Волшебная лампа Аладдина». Там еще сверху отверстие и лепешки пекут, прилепляя их к стенкам изнутри...

– Нет, то тандыр. Конструкция же русской печи неизвестна. Дело в том, что в нашем климате печи строят не на земле, а на бревнах, перекрывающих специальную яму – подпечье. При этом и тяга лучше, и в доме теплее. Но бревна за века сгнили, и все старинные печи обрушились. Так что об их устройстве можно только догадываться.

– Вы рассчитываете найти целую печь?

– Это была бы сенсация.

– Вы ведете раскопки в Нижегородской области. Почему? Считаете, что здесь в земле скрыто много неразгаданных тайн, или просто не имеете возможности выехать в какое-либо более перспективное место?

– Обычно каждый археолог занимается раскопками в той местности, где живет. Я – нижегородец. Был, правда, у нас в университете преподаватель, который более 20 лет вел раскопки античности в Крыму. Но он и жил там почти 20 лет...

– Вы ему не завидуете?

– Здесь нам тоже загадок и тайн хватит не на одну жизнь.

Археологическая находка

Археологи снимают грунт в размеченных квадратах слоями по 10 сантиметров. Очень важно не нарушить границы квадрата и не выйти за пределы заданной глубины. Потому что все находки записываются с указанием слоя и квадрата, и искажение порядка способно исказить картину вскрываемого прошлого.

С первыми находками (это были кусочки керамики и так называемые «печины» – кусочки старинной керамической печи) разъяснилось предназначение дырчатых лотков – археологи попросту складывали в них найденные предметы.

Работы шли так: парни, как люди физически более приспособленные к тяжелому труду, действовали лопатами – да не как попало, а осторожно, филигранно снимая слои суглинка. А девушки растирали в пальцах и простукивали совочками горки накопанной земли, обнаруживая любой твердый предмет, размером более сантиметра.

У гораздо более опытных руководителей перебирание земли шло намного быстрее – они ориентировались на звук. Комочки земли при простукивании совком не звенят. А если звякнуло – это находка.

Наиболее перспективным казался квадрат, в котором печина попадалась обильно. Видимо именно здесь много веков назад находился домовый очаг. И очень хотелось добраться до подпечья – ведь там всегда скапливается мусор: осколки посуды, мелкие косточки, случайно оброненные металлические предметы. Настоящий клад для археолога!

Однако, самая интересная находка обнаружилась совсем в другом месте – латунный нательный крестик XVII века с необычной надписью. Причем, с дважды необычной! Во-первых, над головой Христа значилось не привычное «INRI» (Иисус Назаретянин – царь (Рекс) Иудейский), а «НИКА». Во-вторых, надпись была сделана не латинскими, а славянскими буквами.

По поводу надписи «НИКА» у академика А. Т. Фоменко есть крайне интересная версия, подробно описанная им в книге «Царь славян». И вот, найденный крестик свидетельствует, что такие надписи в средние века были распространены весьма широко.

Но между тем солнце уже прошло верхнюю точку небосклона, и мне, чтобы приехать домой не к ночи, а засветло, следовало уже отправляться на станцию.

Одинокaя колея железной дороги выглядела необычно. Электрических проводов над ней не было и потому казалось, что поезд, который придет по этим рельсам, тоже появится из далекого прошлого.

На станции между тем собралось десятка два человек, все друг с другом, по деревенской привычке, приветливо перездоровались. И мне повезло разговариваться с мужчиной городского вида, который приезжал в Копнино навестить детей, отдыхающих у бабушки.

Выйдя из вагона, я подняла голову и взглянула на небо. Оно раскинулось надо мной бескрайним, до предела заполненным светом шатром. И по нему величественно и неспешно плыли облака. Точно такие же, как и много веков назад. И, возможно, кто-то из наших далеких предков так же, запрокинув голову, смотрел в бескрайнее небо XIII-го века и видел те же величественные и неспешные облака.

Мне показалось, что мы соприкоснулись взглядами. Потому что мы вместе смотрели в небо. Небо XIII-го века.

Морпех Дороги, которые мы выбираем

Майор милиции Алексей Викторович Павлов имеет должность, название которой звучит скучно: инспектор по работе с личным составом. Она не предполагает романтики уголовного розыска с эффектными погонями и захватами вооруженных бандитов; за ней не кроются головоломные ходы следователей, разоблачающих хитроумные замыслы преступников... Отдел кадров в милиции занимается подбором людей, способных выполнять все вышеназванное, как повседневную, будничную работу.

Совершенно ясно, что тому, кто работает с личным составом, нужно быть незаурядным психологом и знатоком поведения людей – в том числе и в экстремальных ситуациях. И в этом плане Алексей Викторович имеет богатый опыт, начало которому было положено еще во время его армейской службы в перестроечной, стремящейся к независимости Литве (которая могла стать, но, к счастью, не стала для нас еще одной Чечней). Впрочем, об этом рассказывает он сам:

– После окончания Челябинского танкового училища я получил распределение в Литву, в Ельнинскую гвардейскую дивизию морской пехоты. И первое слово, которое услышал, сойдя с поезда, было: «О, оккупант приехал!» (я в форме шел).

А на следующий день, когда тоже шел в форме по городу – в черном берете, красивый такой, услышал от пожилой русской женщины: «Внученька, смотри, наши приехали». В Литве тогда настоящих, истых-то литовцев было процентов 30. Остальные – поляки, русские, белорусы и украинцы. Собственно и подлинно литовскими можно назвать лишь земли вокруг Клайпеды, а их столица Вильнюс – это польский город Вильно.

Наш танковый полк располагался прямо в городе, на базе бывшего немецкого училища, готовившего офицеров на подводные лодки. Построено училище было капитально и с немецкой тщательностью: плац с подогревом от котельной, в колодцах для стока ливневых вод предусмотрены фильтры, чтобы не забивало опавшей листвой... А в сосновом лесу, где находился полигон, был сделан секретный фарватер – канал такой, в котором во время войны немецкие подлодки прятались от наших самолетов-разведчиков. Оттуда через Куршский залив, отделенный от Балтийского моря длинной песчаной косой, открывается прямой путь на Кенигсберг (Калининград).

Этот фарватер мы использовали двояко: рыбу в нем ловили и принимали там самолеты. Дело в том, что вдоль него, прячась за вековыми соснами, чтобы не засекли литовские радары, к нам из Калининграда на вертолете привозили зарплату.

Вокруг полигона места были заповедные – зверья всякого немеряно. А браконьеров практически не было, и не потому, что литовцы такие законопослушные, а потому, что со времен войны там осталась масса неразорвавшихся боеприпасов. Во время стрельб частенько случалось так: если снаряд пролетал чуть дальше положенного, то вместе с ним взрывался еще десяток снарядов в лесу. У нас только один только из саперов успел за два года разминировать более 2000 единиц боезарядов, за это он получил медаль «За отвагу».

В январе 1991 года, когда начались вильнюсские события – ну, вы помните, штурм телецентра, его показывали на всех каналах телевидения по всему миру, – я как раз был дежурным по батальону.

Сию в дежурке, смотрю телевизор... Да, думаю, надо бы командование поставить в известность.

Поставил. И сразу получил приказ поднять по тревоге экипажи своего танкового взвода.

Танки завели, вывели из бокса, подогнали к «тревожным» воротам... Сидим, выставив охрану, ждем команду. А мимо ворот – там как раз шла дорога к телевышке Клайпеды – мас-

сово идет и едет народ. Они направлялись защищать свой телецентр. На нас glareют, кричат что-то... Все обошлось мирно.

Второй серьезный инцидент произошел в 1992 году. Командир нашей дивизии полковник Черных отправился домой, но только они с шофером вошли в подъезд, как к ним подошли офицеры литовской спецслужбы и арестовали. За то, что во время вильнюсских событий он, якобы, пытался взять Клайпеду под свой контроль. Я так скажу: если бы он попытался взять, то взял бы без вопросов. У нас под Каунасом стояла еще дивизия ВДВ, выведенная в свое время из Афганистана. Мы когда встречались на параде в День Победы, то видели, что даже многие рядовые срочной службы имели боевые ордена и медали. Ну, и наши Т-72 успели в Афгане повоевать...

Итак, командира задержали. Водителя, правда, через 4 часа выпустили, он прибыл в часть и доложил. Полк снова подняли по тревоге и стали готовить технику на марш.

Танки у нас стояли на длительном хранении – то есть без боекомплекта, со снятыми пулеметами, радиостанциями и без командирских прицелов. Но в танковом взводе все это ставится за 4 часа (для дивизии норма времени – сутки).

А пока экипажи готовили танки, офицерское собрание дивизии вынесло постановление: предъявить литовским властям ультиматум. Если к 17.00 полковник Черных не будет освобожден, дивизия боевым порядком (с тройным боекомплектом) выдвигается на Вильнюс.

Справка: боекомплект танка – 44 снаряда калибра 125 мм, 12 пулеметных лент по 250 патронов в каждой. И плюс зенитные пулеметы.

Итак, к 17.00 мы уже стояли колонной у «тревожных» ворот. Я сидел за рычагами своего, второго по порядку танка. Ворота открыли, первые два танка вышли на улицу и опущенными пушками перекрыли проезжую часть слева от части. Три других танка перекрыли проезжую часть справа.

Любопытных сначала было мало, так как гражданские про наш ультиматум не знали. Но город там имеет особенность – он весь расположен вдоль одной дороги. И если ее перекрыть, то весь городской транспорт останавливается.

«Скорую помощь» и пожарные машины мы пропускали, поднимая пушки, как шлагбаумы. Но и только. Так что, очень скоро народу и телеоператоров вокруг собралось, больше, чем на первомайской демонстрации.

Люки танков были задраены, что, вообще говоря, смотрится весьма грозно и внушительно. А когда я решил полюбопытствовать и высунул из башенного люка посмотреть на народ, на меня сразу нацелились несколько телекамер. Одна из них точно была российская, так как уже в этот же вечер я увидел себя в «Вестях».

Как только Ландсбергису доложили, что в Клайпедо российские танки вышли на улицу, наш полковник был немедленно освобожден. Еще через 40 минут российским командованием ему было присвоено звание генерала.

Танки, понятное дело, загнали назад в боксы, и мы, всем личным составом, потом всю ночь восстанавливали покоренную дорогу. Страшно даже подумать, что было бы с Литвой, если бы наша дивизия прошла больше 10 метров от «тревожных» ворот.

Что дальше? 1 сентября 1993 года дивизия, имеющая на знамени шесть боевых орденов, была расформирована (нарочно что ли выбирали для расформирования самые боеспособные части?), имущество вывезено. А я получил назначение на Черноморский флот. Опять в суверенную республику. Тут как раз мой пятилетний контракт подошел к концу, и я подумал, что хватит мне экспериментов, надо перебираться ближе к дому. И вот 2 ноября 1994 года я был исключен из списков воинской части, а с 20 декабря назначен старшим инспектором по кадрам батальона патрульно-постовой службы. Дело это по мне – всю жизнь, начиная еще с училища,

работаю с людьми. Прошел путь от рядового курсанта и глубоко убежден, что только тот офицер может понять рядового, кто сам поносил его погоны.

Ну, а что до работы милиции, то здесь, как и в морской пехоте, говорят: «У нас не служба, у нас сплошное приключение». Во всяком случае, ни один день на другой не похож, всегда случается что-то новенькое.

Нестандартное решение

С точки зрения моей жизни, произошла эта история страшное количество лет назад. Во времена еще разного рода Горкомов, Райкомов, комсомольского актива и трудовых лагерей для школьников. Все, что тогда происходило, кроме обычной цели имело еще и сверхзадачу: коммунистическое воспитание нового человека. А поскольку новый человек воспитываться не хотел, часто происходили казусы вроде того, о котором я вам и расскажу.

Итак, на лето наш Райком (его первый секретарь, кстати, сидел потом в тюрьме за организацию заказного убийства, но к данному делу это не относится) решил организовать трудовой лагерь для комсомольского актива. И по всем учебным заведениям города была разослана разнарядка: предоставить по 5 человек самых, что ни на есть передовых и правильно воспитанных. Для дальнейшего совершенствования их в деле коммунистического воспитания. И общей культуры, само собой.

Теперь представьте себя на месте педколлектива школы. Представили? Как вы будете рассуждать? Создается идейный лагерь, куда будут брошены самые передовые педагогические силы, так давайте вместо благовоспитанного Пети, который и так хорош, пошлем туда балбеса, от которого стонут учителя и весь прилегающий к школе район. Пять наших плохих мальчиков на общем благополучном фоне погоды не сделают, а заодно и перевоспитаются. Ведь лагерь-то, в конечном итоге, для этого и создается. Логично?

И так рассуждали педсоветы всех школ. В результате, приехав в лагерь с настроем петь и смеяться как дети, мы обнаружили скопище трудных подростков со всего города.

Прямо скажу, наш женский (в основном) коллектив содрогнулся, но не дрогнул. Каждое утро, как Александр Матросов на амбразуру, шли мы к своим воющим и матерящимся подопечным и пытались делать то, что делают все педагоги мира: сеять разумное, доброе, вечное.

Дни шли за днями (каждый казался нам в год), и хотя наши воспитанники выли и орали по-прежнему, но в общем они были неплохими ребятами. Спортивные мероприятия удавались нам лучше прочих, а день смеха, когда Петр Николаевич (один из двух наших педагогических мужчин) придумал обливать друг друга из ведра, прошел просто на ура.

Но как не пытались мы предотвратить беду, она все же грянула. Все наши подростки принадлежали к различным дворовым группировкам. Между собой в лагере они поддерживали хрупкое перемирие, но никогда нельзя надежно изолироваться от такого внешнего фактора, как местные жители. И грянуло! Наши разодрались с местными подростками!

О, каждый дзержинец вам скажет, что чревато это не только синяками. Счет убитых в междоусобных стычках подростков в Дзержинске (в те, светло-коммунистические времена) перевалил за десяток. А мы все педагоги лично отвечали за жизнь и здоровье каждого. Представляете как возросло в нашем коллективе потребление валерьянки?

Внешне мы пытались делать вид, что все по-прежнему, но напряжение нарастало, и даже сам воздух, казалось, сгущался и электризовался, как перед грозой. Лояльно настроенные ребята (а такие всегда есть) прямо говорили когда и где произойдет столкновение. Но беспомощно-недоверчивые педагогические меры оказались недостаточными и произошло то, чего я никогда не забуду.

Поздно вечером я со своим отрядом возвращаемся из кино. Несмотря на все предупреждения все вроде бы спокойно. Мне удастся все дальше уводить своих озирающихся подопечных из опасной зоны влияния местных жителей. Я уже начинаю верить, что все обойдется. И вдруг – я не уловила, что произошло – толпа (а в деревенскую ночь все темные как волки) сломилась и побежала назад. Я, задыхаясь, за ними.

Задняя стена деревенского клуба. Желтый свет фонарей. Вдоль стены – все какие-то одинаковые – деревенские парни с кольями.

Я врываюсь в толпу. Полоса в один метр между моими и чужими. Мечусь по ней.

Мои – как волки – выскакивают из темноты. В руках – металлические прутья. Отшвыриваю их назад.

В момент когда я их толкаю, у них делаются человеческие лица.

Местные парни прыгают на месте, но у них мощный командир, и он кричит: «Стоять!»

А мои напрыгивают из темноты, и я отшвыриваю их назад, но долго ли такое может продолжаться?

Понимаю, что драться никто не хочет, но где-то сзади, невидимые в темноте стоят организаторы. И их крики: «Вперед, быки!», снова и снова заставляют парней кидаться вперед.

Думаете нас спасла милиция? Нет, она появилась часа через два (это же деревня, мирная жизнь...). Отобрали несколько ножей. (Там и ножи были, понимаете?). Но в самый критический момент, когда шаткое равновесие готово было рухнуть, кто-то неразличимый в темноте (святой человек, вечно буду ему благодарна) крикнул: «Менты! “ И толпа побежала.

Что поднялось в лагере, когда мы, задыхаясь, примчались туда! Педагогический коллектив, благоухая валерьянкой, встал стеной. И немедленную акцию возмездия удалось предотвратить. Детей (а для нас они несмотря ни на что были детьми) развели по спальням. Сами стали в дверях, обсуждая шепотом, что мы будем делать, если дети начнут прыгать из окон.

И в этот драматический момент из города вернулся Петр Николаевич. (я уже говорила, он был одним из двух наших педагогических мужчин). Мы все дружно кинулись на его неширокую грудь.

Сквозь вскрики и рыдания он мгновенно уловил суть дела.

– Так, – сказал он. – Сейчас я их подниму и организую.

– Что? – ахнули мы. – Да мы с таким трудом их только что уложили!

– Да ладно, они все равно не спят.

И он решительно направился в палаты, где в темноте, лежали наши возбужденные подростки.

В результате немедленно был создан штаб, куда с правом решающего голоса вошел Петр Николаевич. Был создан отряд быстрого реагирования. Выставлены часовые. Разработана система опознавательных сигналов и паролей. И до конца лагерной смены мы больше не пили валерьянку, потому что из-за каждого куста наши родные бандитские рожи с восторгом кричали нам: «Стой, кто идет?!». И мы счастливо отвечали:” Сокол».

И драка не состоялась. Зачем? И без нее было очень интересно.

Ужас поселка Свердлова

Крайне необычное дело начал рассматривать в середине августа Дзержинский городской суд. Официально обвинение предъявлено по статье 109 УК РФ «Убийство по неосторожности», но трагические события, потрясшие жителей всего поселка Свердлова, право же заслуживают того, чтобы изложить все с самого начала и подробно.

Итак, летом 1997 года (да, наша история началась именно тогда) произошло первое нападение собак на людей

– Ротвейлер выскочил из-под забора, – рассказывал в суде предприниматель, арендовавший на поселке участок земли, – и подбегал к моему четырнадцатилетнему сыну. Я успел схватить палку и, когда пес метров с трех бросился, сумел отбить его прыжок. После этого из-за забора выскочили пять собак, и все напали на меня.

Спасло меня в тот день то, что работники сельскохозяйственного кооператива «Агро» (их участок соседний) услышали лай своры и мои крики, подбежали и помогли мне отбиться.

Второе нападение произошло в 1998 году. Тогда собака сумела ухватить моего сына за локоть, но не прокусила. Я так же сумел палкой ее отогнать.

Далее события стали развиваться по нарастающей. Дело в том, что на поселке обитает изрядное количество бездомных собак. Сердобольные граждане время от времени подкармливают их, и особых конфликтов между человеческим и собачьим населением никогда не возникало. Проблемы начались после того, как у породистой кавказской овчарки, которая имеет хозяина, и которую часто видят свободно передвигающейся по поселку, подросли полукровные щенки. Фактически в городе возникла стая, имеющая дом, но живущая по закону диких волков.

– В прошлом году, 13 июля в 7.30 утра, – рассказывает потерпевшая пожилая женщина, получившая в результате нападения собак инвалидность, – шла я к кладбищу. Там возле ворот мы торгуем цветами.

Когда я была метрах в тридцати от нужного места, сзади из леса на меня молча кинулись собаки. Одна из них – кавказская овчарка – схватила меня за ногу и рванула. Моя тележка откатилась, а сама я грянулась на колени, да так, что от удара переломилась кость.

Я закричала. Вцепившаяся псина рыча продолжала удерживать меня, и я чувствовала, что вся земля вокруг заливаается моей кровью.

Среди торговцев цветами я видела единственного мужчину – Николая. И я кричала ему: «Спаси, помоги». Но он боялся подойти, потому что собака была не одна – по мне, разрывая когтями колготки, прыгала еще одна крупная псина. Наконец Николай сумел найти пустую бутылку и кинуть в сторону собак. Бутылка, ударившись об асфальт, с шумом разбилась, и собаки молча исчезли в кустах. А меня, залитую кровью, увезла вызванная «скорая помощь».

Помимо этого вопиющего случая в поселке случились еще несколько нападений собак: на 80-летнего мужчину – потом он три недели ходил на перевязки; на 54-летнего бомжа, который запомнил только то, что собаки были большие и лохматые; несколько нападений на мужчин (но тем удавалось либо убежать, либо отбиться). И, в конце концов, дело дошло до самого страшного. Впрочем, обо всем по порядку.

23 декабря, незадолго до наступления сумерек, один из мужчин поселка пошел в лес за еловыми ветками – близились новогодние праздники.

В лесу он наткнулся на нечто такое, отчего без памяти кинулся в поселок и задыхаясь ворвался в дом к одному из соседей.

– Там, на тропинке, – бормотал он, – метрах в десяти от забора «Агро»... Там собаки едят кого-то. Видел: и кавказская там сидит, и с ней вся свора.

По такому сообщению в лес собрались шестеро мужчин. Вооружились лопатами, вилами, пошли.

Собаки, увидев их издалека, серыми бесплотными в сгущающихся сумерках тенями снялись с места и беззвучно исчезли.

Мужчины подошли. На истоптанном собачьими следами снегу лежал полусъеденный труп пожилой женщины. Руки ее были обглоданы, ноги съедены до костей. На шее эксперты, обследовавшие труп в морге, обнаружили след мощного укуса, переломившего жертве позвонки.

Невероятно. Слушая все это в зале суда, трудно было отделаться от ощущения нереальности происходящего. Чтобы в наше время (на дворе XXI век), едва ли не в центре довольно крупного промышленного города в течение целого ряда лет на людей беспрепятственно нападала стая собак-людоедов!

Обращались ли жители в милицию? Неоднократно. Сотрудники 3-го отдела приезжали, разбирались... Но в их присутствии никаких нападений не было. Оpoznать по приметам? Никто из пострадавших точных примет собак-убийц не дает. Трудное это дело – вглядываться в собачьи морды в момент, когда те вырывают из тебя куски мяса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.